

- , - !

- / -
!

Москва. 2007
ООО "Феникс плюс" Союза писателей

...

Офицеры 19 СД 1310 СП слева направо: командир батареи полковых гаубиц Михаил Фомичев, командир роты батальонных минометов Николай Плевако, командир взвода 120 мм полковых минометов Григорий Грутман.

Автор прозаик. Его перу принадлежат романы "Полнолуние", "Норд-ост опускает бороду", "Казачья вода", сборники повестей и рассказов "Тонкая рябина", "Сколько мне жить, кукушка?", "Похождения московского бомжа" и другие. Неожиданно потянуло на сатирические стихи после эпизода, случившегося с ним и описанного в памфлете. Последний отнюдь не претендует на классический стих. Главное — содержание.

ISBN 5-900 616-29-0

По расчетам министра финансов А. Кудрина 13 миллиардов долларов ежегодно переправляют до-

мой торгоши из ближнего и дальнего зарубежья, приезжающие в Россию на заработки.

Если Францию покинут триста ученых, она превратится в страну идиотов.

Б. Паскаль.

"...нет ничего более гнусного и вредного, чем распространившаяся в последнее время среди нашей интеллигенции мода на самооплевывание. Насколько важна и нужна самокритика, настолько вредно и тлетворно самооплевывание. Самокритика есть прежде всего мужественная борьба за будущее, самооплевывание — трусливое отречение от прошлого".

Федор Степун, белогвардейский офицер, эмигрант, философ.

"Как можно приучить людей к гнилой пище, к водке, табаку, опиуму, так можно приучить людей к дурному искусству, что, собственно, и делается".

Лев Толстой, "Что такое искусство?"

"Ежедневно приходит в жизнь тысячи злых, злобных, порочных и жестоких людей, решивших изничтожить тех, у которых остались идиотские добрые намерения. Замкнулся круг бытия. Человек стал врагом человеку. Жестокость стала законом. И теперь сила управляет миром, сила, враждебная всему тому, что старается уцелеть. Это — космический процесс, который ведет к полному разрушению".

Герберт Уэллс

ИНОСТРАНЦЫ

Пост советское пространство
Заселяют иностранцы.
Все при деле, не воруют,
Разной утварью торгуют:

Башмаками, панталонами,
Овощами и лимонами.
У иных другая ставка —
Водка, спирт из-под прилавка,
Героин, марихуана
От друзей Афганистана.
Денег – полные карманы.
Казино и рестораны,
Супермаркеты и рынки,
Заодно наши блондинки,
Быстро, ловко тут и там
Прибираются к рукам.
Не снуют по магазину
На колесиках корзину.
Разъезжают в лимузинах,
Дачи строят, как дворцы.
Ай, да молодцы!
Вина пьют и любят танцы –
Рай земной для иностранцев!
Метрдотель для них на бис
Выполнит любой каприз –
Пугачеву иль стриптиз.
И чиновник очень споро,
Без проблем, без разговора
Предоставит им гражданство.
А для русских иностранцев –
Ни гражданства и ни крова.
Мыкаются по России
Голые и сирые
От станков, от науки –
Негде приложить руки.

Все меньше охотников,
Классных работников,
Обрести дом родной
С неясной судьбой.

Словно в кратер,
Канула альма-матер,
И от наук кумиры
Разбрелись по миру.
И выпускники вузов
Отправляются гузом
Уверенно и бойко
На ударные стройки
Америки и Европы.

Рис. В. Луговкина

"У нас свободный континент, —
Поясняет президент.—
Каждый волен востричь стопы
На выбранные тропы,
Хоть в Америку, хоть в Европу".
Других тягот невпроворот,
Такое и не снилось:
Большинство мужчин от работ

Вовсе устранилось,
Сидит в тюрьмах или спилосьь.
Как это случилось?
Русские по природе работяги,
А не варяги,
Набивающие карманы
На торговле бананами,
Но их лишили работы
Демократы-патриоты.
Как они довели до беды,
Речь впереди.
На свободные места
Ринулась беднота
Обнищавшей Азии.
Вот какая оказия!
Работяги неважные,
Но ребята отважные:
На все руки мастера —
От коттеджей на ура
До уборки двора.

Искали охотников
На работу дворников
С мизерным окладом.
Рядили-ладили
С местными не поладили.
А убирать надо
К праздничному параду!
Обратились к приезжим
Из ближнего зарубежья.
Рядили-ладили,
С трудом поладили
Себе в наклад:
Двойной оклад
И бесплатное общежитие
В пику местным жителям.

Если б только с дворниками
Поступали так "рачительно"
Демократии поборники.
Куда впечатлительнее
Уплывают за кордоны
Миллионы.

А правители наши ни бе, ни ме,
Как им удвоить ВВП,
Мол, население убывает,
Рабочих рук не хватает.
Благо, есть земные клады
И другие мармелады.
К ним любители услады
Пригубиться весьма рады.
Налетают роями без спроса,
Как голодные осы,
На русских смотрят косо.
Очевидно, они с нами
Поменялися ролями,
Мнят себя хозяевами.
Можем, как французы,
Сесть в лужу
Или того хуже,
Залетные осы
Учинят нам Косово.
Так что, скоро, друзья-братцы,
Мы, как сербы у албанцев,
Превратимся в иностранцев.

ПЕРЕСТРОЙКА

Молодому поколению
Совсем неведомо,
Как разговлялись страной
Не столь далекой порой.

Кто был внизу,
Очутился вверху
И устроил чехарду:
Только на порог —
Слопали пирог,
Кто сколько смог!
Но народ стойко
Поддержал перестройку:
Ждал манны с неба,
Не получил и корки хлеба.
А тут еще уродство:
Дефолты и банкротства
Оставили обманом
Одним ударом
Народ с пустым карманом.
Демократы сладко пели
Да не в те сани сели.

На смену спецам высокого класса
Пришли торговцы хлебом и квасом.
Чуткие на базарный спрос,
Они спустили под откос

Всё, что имело заграничный спрос.
А остальное — на износ.
Богател и рос
Известный совхоз:
Поля, фермы, переработка.
Но чья-то луженая глотка
Объявила вдруг,
Кому телка, кому плуг,
Кому корова, кому свинья,
А кому куча навоза спьяна.
Поля — на клочки.
Стали все кулачки,
Да не заладилось дело.
А тут молва облетела:
Объявился ловкач,
Скупает землю для дач.
И никаких от совхоза отдач.
Консервный комбинат,
Как ни бил в набат,
Остался без сырья.
Растащили до старья.
Без бомбежек, без атак
Всё развеялось в прах.
Такое могли только фашисты,
А не демократы-пацифисты.
Но те, кто за народ,
Стал фашистский сброд.

Рыбку из пруда
Можно достать и без труда.
Чинуши, торгаши
И хапуги просто
Расхватили за гроши,
В розницу и оптом,
Добытое кровью и потом.
Ненасытные хрюшки

**Дорвались до кормушки,
Хватали, набивали брюшки
Поплотней, без меры,
С одной только верой
В золотого уroda
Для процветания своего рода,
Таким не нужна Родина.
Таким нужны деньги и власть,
Чтобы пожить всласть.**

**Словно грозный цунами
Прокатился волнами
Или Мамай с огнем и мечом,
Не уступая демократам ни в чем.
А каким напором разборки
Сотрясали людские головки!
Одним миллиарды, другим опорки.
Кому рост и пост, а кому погост.**

Пути перестройки

**Вора упрячут
За кражу в квартире.**

Но разорителя России
Похвалят за удачу
И подарят госдачу,
Наградят орденом
"За заслуги перед Родиной",
Будут стеречь и беречь,
Как зеницу ока,
До гробового срока.

ОЛИГАРХИ

Не золото в кубышке,
А 500 рублей на сберкнижке
Обнаружил внук-парнишка
У деда Молотова, экс-премьера
С полувековой карьерой,
Когда тот благополучно почил
И внук его похоронил.
За спиной Молотова
Не глупо расколотый
Советский Союз
Под бодрый блюз
Полупьяного маэстро,
Занявшего место
Дирижера оркестра,
И не грабёжная приватизация,
И не кривая демократизация,
А великая цивилизация
Великой нации,
Какой бы дискриминации
Не подвергали прошлое
Самооплевыватели дотошные.
На экскурсии по югу Франции
В небольшой от берега дистанции
Вам покажут замки и виллы красивые

Главных перестройщиков России,
Чьи расторопные умишки
Приобрели эти домишки
Не за рубли на сберкнижке.

Покрыто мраком,
С какого дохода
Три миллиарда с гаком
За полтора года.
"Сам не знаю! —
Сокрушался делец
И швец, и жнец,
И на дуде игрец. —
Адвоката вызываю —
Одного, другого:
Нет ли подвоха какого?
Проверили — никакого!
Вызываю тридцать юристов
Проверить пристальней,
Нет ли ухода от налога.
Проверили строго —
Напрасная тревога!
Ну что за мученья!
И нет никакого спасения
От долларового увеличения".
Потекли баксы в чужие банки,
Скупают русские янки
Яхты, дворцы, замки,
Заодно подводные лодки —
Защитить себя и свои шмотки.
Бодрые, загорелые, в шортах
Резвятся, увлекаются спортом
На испанских курортах,
Устраивают приемы, балы, обеды —
Наплевать им на людские беды!

А от экономики патроны
Вешают на уши макароны:
"Ах, миллиард инвестиций
Пришел в Россию из-за границы!
Кончился, наконец, пост,
Идем в рост!"
На самом деле
Фабрики стоят без дела:
Конкуренция заела.
Иностранщиной забиты магазины,
Русские товары, как сувениры.
Если для дома и есть кое-что,
Не годится ни на что.
Бесконтрольная халтура
Прет от Буга до Амура.
А рвемся в ВТО!
Это еще куда ни шло:
В лапах криминала
И продукты, и товары
Без хозяйского глаза
Дорожают в три раза.

Как жизнь разнится
В двух шагах от столицы!
Разговаривал скользко
С жителем Подольска:
"Я труженик, не прихлебатель,
И скажу тебе, приятель,
Не вдаваясь в детали:
Всё в развале —
Сто заводов швейных машин,
Разных моторов и шин...
За станком полвека,
И теперь полукалека,
С пенсией крутой —
Хоть падай, хоть стой!

Перебиваюсь на хлебе и квасе".
И такие ипостаси
В любом городке, в любой деревушке,
Словно к роковой дате
Ельциным был подслушан
Марк Катон в римском сенате,
Прожужжавший всем уши:
"Карфаген должен быть разрушен!"

Рис. В. Мочасова

На российском континенте,
Как вещает советник президента,
За последние семь лет
Не обнаружен в тоннеле свет:
Производство без запала
В три раза упало.
ВВП неуклонно ползет вниз.
Какой вам надо еще сюрприз?

**Ошибаетесь, друзья!
Демократов ругать нельзя:
На зло Бушу
Строим на морях и суше,
Правда, не заводы,
Но какие трубопроводы!
На Запад, на Юг, на Восток
Устремился газопоток,
Туда же и нефть, и лес,
И бог знает, какой еще бес!
А с Запада к нам машины,
Холодильники, шины,**

Ножки Буша,
Испанские груши
И бог знает, какой еще бес.
Это разве не прогресс?
Зачем нам заводы —
Лишние расходы!

Цивилизация зреет летами,
Деградация — днями,
Подстегивая нас плетями,
Окутывая сетями,
И вот уже меч над нами.

Наш спортивный президент
Устраняет прецедент.
Есть у него хватка,
Нет в ресурсах недостатка.
Но работа идет вяло,
Сделано очень мало.
Ставят большие задачи,
Но нет отдачи.
Пекутся о единстве народа,
Но идут кривым ходом.
Где пятилетки в три года
И ВВП в один год?
Доллар не делает погоды,
Если не идет в оборот.
Дутая бумажка
В легкой упряжке.
Инфляция разразится —
В прах разлетится.
Уж давно накопления
Не растут, а тают.
И пополнения
От нефтяных скважин
Холят, питают

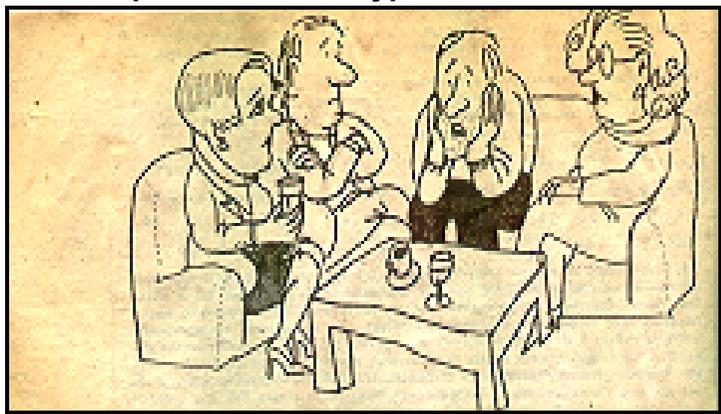
**Западных граждан.
На нефтяных подпорках
Быть нам на задворках.**

ДЕМОКРАТЫ

**Растоптали, спустили в канализацию
Высочайшую в мире цивилизацию,
Одурачили западной демократией
И политической пустобратией.
Свергли с пьедестала
Коммунистические идеалы,
Взамен на свалке истории
Раскопали, обустроили
Капиталистического уroda
Для порабощения народа.
Человек с большой буквы
Превратился в подобие куклы:
Играют им как хотят,
И жизнь покатилаь вспять.**

**Расскажу попроще:
В беге по роще
(Глаза были еще зрячие)
Навстречу ватага ребячья,
Окружила, куражится,
Никак не отвяжется.
Растолкал, побежал.
Вслед полетели камни, палки,
Гвалт подняли, как галки.
А один пострел,
Маленький нахал,
Увязаться успел,
Не отставал, понукал,
Как корову со двора,**

**Пока не настала моя пора
Взять разбойника на ура!**

— Скажу откровенно: иногда бил наших детей, но только в порядке самообороны.

**Бег не состоялся,
Кое-как домой добрался.
Вот такая детвора
С нашего и вашего двора,
Вот такие растут повесы
Демократического замеса!
Прокуренные табаком девицы,
Опухшие пьянчужек лица,
Ватаги юнцов с бутылками пива
Балтийско-клинского разлива,
Старики и старухи
В поисках хлеба краюхи
Роятся в урнах и на свалках
Наподобие воронам и галкам.
Наркоманы, проститутки, мат —
Ты этого хотел, демократ?
Кто голосовал за них,
Печально сник,
В безысходной беде
Покорился судьбе.**

О потере молодого поколения
И всего выпестованного
И созданного,
Не стихийно, а осознанно
Под знаменем Ленина
Этим людям в голову вбить,
Что пальцем в небо.
Тут хотя бы добыть
Кусок хлеба!
Публике престольной,
Что живет, не тужит,
Такой народ безвольный
Очень нужен.
Опомнитесь, братья,
Презрите обывателя,
Не видящего ничего
Дальше носа своего.
Где ваше чувство хозяина Родины,
Растерзанной и проданной?
Где ваше чувство локтя друг друга
От Амура до Буга?
Куда нас ведут?
Какое общество создают?
"Что за муки, что за муки?" —
Стонал мой земляк Слава Жуков,¹
С любимым делом в разлуке.
"Не поддавайтесь обману, —
Утешала его одна дама. —
Все дороги ведут к храму.
Молитесь Богу, молитесь Богу,
Найдете верную дорогу!"
А демократы разбиваются в прах и пух,
Какой идеей поднять народный дух.
Не поможет ли дама вдруг?

¹ Врач-терапевт, одно время занимался предпринимательством, оставив
врачебную практику

**Есть такая потреба
Взглянуть на небо.
Пустыни, пустыни
И огненные шары.
То взорвется, то остынет,
То превратится в пары.
И на миллиарды световых лет
Таких цветущих планет,
Как наша Земля, нет.
Какое чудо природы
В благоприятные погоды
Досталось людскому роду!
Есть четкий ответ
На чем держится Свет
У Дэвиса, автора "Сверхсилы",
Разумеется, не для дебилов.
Изучайте пчелку, изучайте лотос,
Но изучайте и звездный космос,
Этот бездонный мир,
Всему сущему кумир!**

**Чем древнее были люди,
Тем красивее слагали прелюдии.**

Греки наплодили богов — будь здоров!
Римляне, не уступая им,
Обратились к своим.
И славяне молились рьяно
Идолам деревянным.
А когда Владимир крестил Русь,
На Днепре кричали: "Не трусь!"
И швыряли идолов с кручи
В волну зыбучую.
А того крестители не знали:
Идолы недалеко уплывали.
Их, как рыбу, сетями брали,
На свои места водворяли.

От Гималайских отрогов
До Ниагарских порогов
Люди считают: этот Свет
Сотворил Бог на много лет.
Бедный просит у него корку хлеба
И какую-нибудь квашню.
Богатый — посытней обеда
Да потолще мошну.
Чем горше жизнь у людей,
Тем строят больше церквей,
Не видя ничего мудрей.
А давно ли:
Человека не унизь,
Верь в коммунизм,
В дружбу народов, светлое завтра?
Знай: ты хозяин своей земли,
Не сиди на мели,
Трудись с азартом!
Но как изменился народ,
Покоритель высот,
Разгромивший фашистский сброд!
И вот крутой поворот:

Опустился до попрошайки
У криминальной шайки.
Я не против: молитесь, креститесь,
Сам был в церкви крещен,
Только иногда оглянитесь:
Разум ваш не смещен?

Слово "демократия"
Весьма притягательное,
В политике модное.
Но под его соусом в России
Столько наколбасили,
Что оно стало несъедобное,
Просто ругательное.

КОНТРАКТНИКИ

Такую страну, как Россия,
Армия красивая
Из отборных наемников
И бравых полковников
От врагов защитить не сможет,
А только аппетиты их умножит.
Но все больше сторонников
Армии наемников,
Не среди генералов,
А в среде "либералов"
С трясущимися руками
Над денежными мешками.
Не дай Бог, повально,
Что вполне реально
Может стать,
Перестанут являться
На службу призывники
Всяким поблажкам вопреки.

Как же тогда уберечь капиталы
От гнева антиглобалов?
Нажились на паразитизме
И ждут от народа патриотизма.
Под Москвой, под Ленинградом,
В боях под Сталинградом
Помогли немцам отдать концы
Мои братья и отцы,
Настоящие патриоты,
Бились и вкалывали до пота
Не за рублевые квоты.

ВETERАНЫ

И вот еще вопрос:
Фронтовиков осталось с гулькин нос.
Я имею ввиду не тех,
Кто воевал в тылах и штабах,
А кто шел в первых рядах,
Откуда непременно попадал
В Наркомзем или Наркомздрав.
Столько отдано жизней и сил,
Столько пройдено,
Что наш генерал говорил:
"Кто хоть раз в атаку ходил,
Достоин ордена".
Да только так случилось,
Что дальше слов не продвигалось.
Толбухинцы врага повергли
На Украине и в Венгрии.
Дважды писала "дивизионка"
Довольно звонко,
Как отличался в боях,
Подавив страх,
Презрев смерть-каналью,

Лейтенант Плевако.
Войну, однако,
Закончил с медалью.
К "Красному Знамени" представляли
И даже Героя обещали
Пока воевали.
Сам же к мальчикам по призыву Родины
На год позже пришедших в роту,
Проявил заботу:
Наградил по два ордена.
Всё зависело, как писарёк
Состряпает наградной листок.

Не о наградах пеклись на передовой,
А как бы скорее вернуться домой.
Но вот вояки в тылах и штабах
Оказались сплошь в орденах.
Кто-то поднял аврал,
В полк прискакал генерал,
Спрашивал, откуда воевал
И "Красную Звезду" вручал
(Выше только Кремль награждал).
И уже старческой зимой
Торжественно отметили
"Отечественной войной
Первой степени".

Фронтовик, участник парада
Сетовал по радио:
"Американские ветераны
Посещают разные страны,
Были и у нас на экскурсии.
Я с ними встречался и в курсе,
Как они обеспечены.
С горечью замечу:
Сказать лучше нас,

Ничего не сказать —
Лучше в пятьдесят раз!
А мы без претензии
Живем от пенсии до пенсии
Наравне с зарплатой дворника
Какого-то законника.
И уже слушать не вмоготу:
"Мы перед вами в большом долгу".

Четверть века на огороде и в саду
Трудился на свою беду.
Поменялись власти,
Разгорелись страсти.
Некие люди удачи
Позарились на мою дачу.
Вряд ли им было неведомо:
Губернатор уведомил:
Не на словах, а на деле
Выделить ветеранам наделы.
Подал заявление на приватизацию
В земельную организацию.
Да пришел с пустым кошельком
И выпорхнул из кабинета мотыльком.
Мол, близко водный коллектор,
Снабжающий жилой сектор,
Влево и вправо от него по закону
Охранная зона.
Но рядом с моей трехсоткой
Легкой походкой,
Без всяких препонностей
Блюститель законности,
Враг криминала
Отхватил два гектара,
Возвел трехэтажную дачу
С гаражом в придачу,
Отгородился забором —

Шестиметровым колом,
Как тюремной стеной.
Хоть падай, хоть стой!
А умельцы-строители
В надежде на покровителей,
Чтобы не нести расходы,
Все свои отходы
Свалили на огороды.
Образовался завал
В два метра вал.
Не помогли опоры,
Рухнули заборы.
Засыпали водный коллектор,
Снабжавший жилой сектор,
Вопреки закону
Об охранной зоне.
Но в земельной организации
Неудобная ситуация
Подверглась пертурбации:
"Вал будем отсыпать,
А коллектор закрывать!".
Вот такая эта братия
Наша бюрократия.
Хоть плач, хоть смейся,
Хоть в лепешку разбейся,
Будет скандировать
Шиворот-навыворот.

Строгая ВТЭК постановила:
Положена спецмашина.
Поехал в Москву оформлять.
А там еще комиссия
Какая-то независимая
Решила минут за пять:
В машине отказать
С горьким порицанием:

"Вы на ранней стадии..."
"Чего? Умирания?"
Прощай, Ливадия!
"Твою отдадут,
Кому сами сочтут", —
Пошутил племянник-плут.
А в автобусе утром
Усмехнулась кондуктор,
Билеты проверяя
И мне не доверяя:
"Розовощеких ветеранов
Сейчас навалом.
С вашего позволения
Загляну в удостоверение".
Вспомнил *претендента*:
"Воевал" в Ташкенте
Этаким молодцом
С генералом отцом,
Академическим лицом.
Получил награду,
Был участником парада
Уже ветераном
И машину получил даром.

Льготное лечение —
Одно мучение.
"У вас катаракта, —
Сказал врач. — Вот так-то!"
И направил в МОНИКИ,²
А там препоники:
Направление врачебное
Вроде не лечебное.
Пришлось бить челом
Перед главным врачом.

² Московский областной научно-исследовательский институт.

И тут же без паузы
Новые препоники:
Проходить анализы
Надо не в МОНИКАХ,
И не без сюрприза
Ждал два месяца вызова.
Стационар теперь не тот —
Набил сумку невпроворот
И вогнал себя в пот,
Да получил от ворот поворот.
"Ремонт в отделении мужском", —
Оправдались смешком.
И прием отсрочили
До греческих календ.
Но тут же вслед
За мной в очереди
Привалила удача
Клиенту побогаче.
Что тут гадать ?
Успел на руку дать.
Для леченья катаракты
Нужны другие контакты:
Раздобыть у друзей
Тысяч двадцать рублей,
И никакого мученья
От льготного лечения.
Наконец, в стационар попал,
Двадцать лет в нем не бывал.
Не думал, не гадал
Увидеть такой развал:
Один умывальник в туалете,
Да и тот неисправный.
Ни душа, ни ванны
И с вечера до рассвета
Бегают тараканы.
А дежурные врачи,

Как надутые сычи.
Пройдут, не заметят,
Снисходительно ответят,
Бормоча что-то под нос,
На ваш вопрос.
По телефону позвонить —
Врагов нажать.
Молодые дамочки,
Как злые весталочки,
Могут резко прервать,
Телефон отобрать:
"Служебный не занимать!"

Точно к горлу кинжал:
Полмесяца отлежал.
Не чаял поскорей
Выпутаться из сетей.
Где ты, госпиталь фронтовой,
Заботливый, боевой?
Куда всё это делось?

Совсем не спелось
С нашим временем
Долларом беременным.

Писал роман смолоду
"Норд-ост опускает бороду",
Эпическое произведение
О фронтовом поколении.
Опубликовал первый том
Тысячным тиражом.
Но и этому был рад:
Столько преодолел преград!
За первой удачей
Новая незадача —
Как издать второй том?
В Управлении печати
Вроде были не прочь
Ветерану помочь.
Предложили потом
На конкурс подать.
Четыре года подряд
Предлагал свою книгу —
Получил фигу!
"Денег нет" —
Был ответ.
Но нашлись миллионы
Поддержать панталоны,
Не оставить без работы
Создателей "Штрафной роты",
Многосерийной постановки
О войне в новой упаковке
К 60-летию Победы.
Вот такие юбилейные обеды
Пришлось мне отведать.

САМОПЛЕВЫВАТЕЛИ

"Россия, которую мы потеряли" —
Появился фильм на экране.
"Наконец-то поняли россияне,
Что приобрели, что потеряли", —
Заключил я по слухам.
А на самом деле Говорухин
Пролил слезу по царской России.
Ошибся режиссер спесивый.
Своим взглядам вопреки
Почитал бы Льва Толстого дневники,
Как жили крестьяне,
Как выглядели горожане.
Депутат Говорухин,
Прочистите ухо,
Вслушайтесь, что говорят
Ваши избиратели:
"Хозяева-стяжатели
Что хотят, то и творят.
Отняли у нас Родину
Долларовые угодины.
Стали мы рабами
С сжатыми губами".

Порой люди не ведают,
Что им проповедуют.
Телебалагану в придачу
Смотрел передачу,
Какой показали прогресс
Строители Ангарской ГЭС.
И вспомнил, как был поражен,
Посетив Волго-Дон.
Всего пять лет,
Как люди увидели свет
После военной порухи.

Какие же духи
Сотворили слона из мухи?
Гигантские экскаваторы,
Скреперы, тракторы,
И все своими руками,
И не годами, а днями.
Но что же прогресс
На Ангарской ГЭС?
"Зачем соорудили
Гиганта в Сибири?" —
Подытожил удивленно
И довольно сонно
Комментатор передачи,
Меня озадачив.
Самооплевывателям тошно
И подумать о буме прошлом.
На прогресс
Они поставили крест.

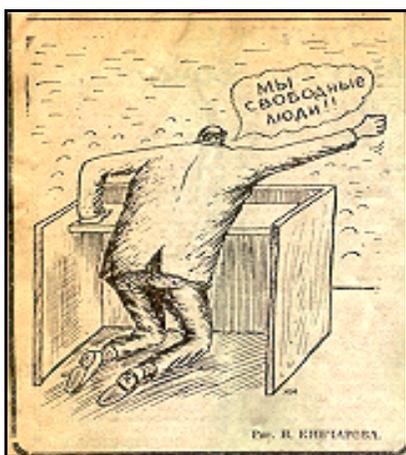
Жизнь Сталина строго очерчена
Уинстоном Черчиллем:
"Он принял страну с сохой,
Оставил с атомной бомбой!"
С каким бы апломбом
Не восхищались трухой
И как бы не блистали
Двуглавые орлы,
Советскую Россию мы потеряли,
Царскую приобрели.

— Народ горой за демократию!

Самооплевыватели-диссиденты
За какие-то дивиденды,
Как назойливые мухи,
Жужжат о большевистской порухе,
О том, какие им достались сласти
От советской власти.
Но молчат о жертвах капитализма,
Погубившего миллионы жизней!

Бойкие журналисты
 Вторят им речисто
 О значении западной цивилизации
 Для русской нации.
 Еще Лебон³, психолог и философ,
 Дока в этих вопросах,
 Ставил Англию и Россию
 На высшую ступень цивилизации.
 И хватит мистификаций!
 Глупые русские люди
 В праздники и будни
 Слушают диссидентские блудни,
 Потрошат карманы,
 Поднимают за их здоровье стаканы,
 Усопшим в церквях ставят свечи.
 Ах, получили наконец свободу речи!
 "Да только вот что я отвечу, —
 Сказал приятель при встрече. —
 Открыл я рот, а положить в него нечего..."
 О чем вам поведать, братцы-кролик
 Если в животе у вас колики?

³Гюстав Лебон, француз (1841— 1931)

Рис. Ю. Борякина, Е. Шепса и Ньювандейка (Голландия).

Коммунисты были ангелами
В сравнении с архангелами,
Наделенными разными рангами,
А умом — орангутангами.
Искать правды тут —
Напрасный труд.
Одно только чтут —
Рубль да доллар-дубль.
О советской цивилизации
У этой публики пристрация —
Все прежде хорошее
Сузилось в горошину.
А ведь Запад у Советов
Перенял немало заветов —
Социальных, материальных,
И те годы в голубой окраске
Предстают, как в сказке.
Я имею ввиду не бездарную верхушку,

Превратившую страну в игрушку:
(Искали свет в тоннеле,
Но плутали в темноте на самом деле),
А научный и культурный прогресс
Яковлевым и Горбачевым в противовес.
Не брокеры, не менеджеры,
Торгующие акциями и коттеджами,
И ночью, и днем
В погоне за длинным рублем,
А довольные судьбой,
С поднятой головой
Росли, крепили сыны
Советской страны.
Незабываемые годы
Героического труда:
Брали на ура
Новые заводы,
Новые города.
И не просто бойкие
Комсомольские стройки
И не возрождение,
А новой страны рождение
Во вражеском окружении.

Примера в мире нет,
Какой прыжок совершила Россия,
Какие набрала силы
В преддверии военных лет!
И в мирные годы,
Преодолев невзгоды,
Палец не сосали
И были сами с усами.
Прижатое жулье
От министра до жлоба,
Бесплатное жильё,
Бесплатная учеба,

Государственная забота
При устройстве на работу,
Доступный всем курорт
И массовый спорт,
И побеждали, и брали
Больше всех медалей
На чемпионатах и олимпиадах,
Блистали на кремлевских парадах.
Такой успех
Радовал всех.
А не интриги маклеров
В перекупке игроков
Другой команды
То ли Бразилии, то ли Уганды
Чуть ли не за миллиарды,
Предпочитая негритосов
Футболистам россам.
Не безразличие боссов
К молодежным запросам,
Не игровые автоматы, не казино,
Не наркотики, не вино,
А Дома культуры, клубы по интересам,
ДОСААФ⁴ с солидным весом,
Поддержка талантов —
Писателей, музыкантов
И других искусств.
Не Христос Иисус,
Не чудотворное пламя,
Не экстрасенсы, не колдуны,
И прочие болтуны,
А науки Знамя
Владело умами.
А какие зорьки
Блистали в Артеке!

⁴ Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту.

Вспоминать сейчас горько
Тех забот о человеке.
Не всуе, не втуне
Приведу строки Петрунина:
"Как грустно выглядят, уныло
Останки пионерских лагерей,
Где раньше радостью светились
Улыбки городских детей,
Где горны зори возвещали,
И барабаны били дробь,
Кострами ночи освещались,
Пылали галстуки, как кровь.
Походы, игры, танцы, песни.
Здесь счастье детства обитало,
Здесь было всё так интересно!
И вот всё это в миг пропало,
Как при нашествии Мамая!
Всё будто ураган унес.
Палаты — ветхие сараи,
И воеет одичалый пёс.
Поломано, разграблено, разбито...
На клумбах — лишь чертополох,
А окна, двери досками забиты...
Неужто раньше был порядок плох?
Слеза в глазах, сдавила горло спазма.
Спаси и помоги нам Божья Мать!
Виновников свершенного маразма
Необходимо из России гнать!"
Утраченное не по зубам
Вернуть долларовым рабам.

"Народ жил в страхе!" —
Твердят диссиденты-патриархи.
Известно, какой народ —
Воры, спекулянты, прочий сброд,
В том числе претенденты

На аплодисменты
Сами диссиденты.
А остальной народ
Не знал ни страха, ни забот.
Полночь. В городском парке
Мать с ребенком в детской коляске.
"У нас и днем гуляют с опаской" —
Поразился западный журналист.
"Жисть как жисть, —
Хмыкнула с остражкой
Варя доярка Маше,
Уминая с подругой кашу. —
А вообще-то скучно, однообразно.
То ли на Западе — удивительно разно!
В Париже подорвали метро,
Прочитал в газете мой Петро,
В аэропорту бастуют диспетчеры,
И пассажиры промаялись до вечера,
Баски воюют в Испании,
Готовят очередные компании
Ирландские террористы,
Не уступают им чилийские путчисты.
А у нас тишь да блажь,
Как ты считаешь, Маш?"
Посмотреть бы сейчас на Варю доярку,
Гуляющую в полночь по парку.
Отмахнулась бы: "Что вы? О чем?
Не заманите и калачом!"
А муж ее трезвенник Петро,
Распивая со мною ситро,
Покачивал головой:
"Скажу тебе, товарищ дорогой,
Пожалуйся сейчас на чванливую зозулю,
Схватишь пулю.
Наступили времена порядки,
Живи с оглядкой.

Теперь и диссиденты льют слезу,
Мол, стали не на ту стезю.
Это не то, это не так,
Одним словом, бардак.
Им коров пасти,
А не народ вести".

Дама Новодворская,
Зело плотская
И весьма дотошная,
Предлагает похоронить
И не тужить
Старшее поколение,
Чтоб скорей забыть
Советское прошлое.
Не лучше ли наоборот
Похоронить Новодворскую,
Изрыгающую невпроворот
Блевотину плотскую?

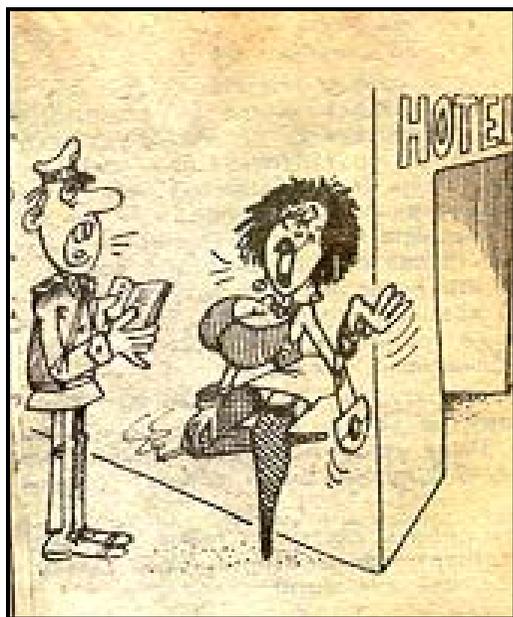
СТОЛИЦА

У демократов вошло в моду
Перестройке в угоду
Лягнуть страну Советов.
И Владимир Путин,
Следуя вещему завету,
Бросил попутно
И как бы нечаянно,
Орден Лужкову вручая:
"Скучная была Москва,
Одна тоска!",
Конечно, советская.
А сейчас, мол, светская,
Прибранная, чинная,
Гостеприимная —

Душа нараспашку!
Отчего же Иван да Машка
Не спешат в Москву,
Разогнать тоску,
Поглазеть на витрины,
Заглянуть в магазины,
Сделать подарок милке,
Посетить театры, музеи, цирки,
Как в былое время?
Или душу Москву не взлюбила?
Или житейское бремя
Охоту отбило?

"Как тебе сегодняшняя Москва?" —
Спросил я друга Славу Семилетова.⁵
"Чужая. Одна тоска."
Не ожидал я такого ответа
От столичного эстета.
"Да и вся Россия чужая", —
Добавил он, слезу не скрывая.
Как же так круто столица
Успела измениться?
Всё, что пороками поражено,
С Запада сюда свезено
Для развращения народа,
Какого не знала природа:
Притоны путанок, наркоманов, казино.
Клубы для элитной молодежи
Лезут вон из кожи,
Лишь бы шагать со временем в лад,
И жизнь пестрится:
Перед кинокамерой игривая девица
Выставляет голый зад.

⁵ Художник-символист.

— Чем вы здесь занимаетесь?
— Привлечением иностранного капитала.

"Бывают и другие невинные капризы —
Танцевальные стриптизы.
А в остальном все очень строго.
Такой молодежи немного, —
Убеждает депутат Митрофанов
Своих избирателей- профанов. —
Но она будущее России,
Ей многое под силу!"
Представляю будущую Россию
Очень красивую:
Девицу с голым задом
И Митрофанова рядом.

Помню, на Пушкинской улице,
Фу ты, обмишулился,
Теперь Большой Дмитриевской,

Привлекала вывеска:
"Столовая диетическая".
В час критический,
Когда подождет живот,
Смахнешь с лица пот
От столичных забот,
Взбежишь на второй этаж
И откроется тебе вернисаж:
Стойка самообслуживания,
Людьми запруженная,
И три ряда столов.
Борщ, суп, котлеты, плов
И другие блюда на вкус.
Наемся, напьюсь,
Одним рублем обойдусь.
Недавно иду — беда,
От диетической не осталось и следа!
Двери и окна забиты досками
Новыми хозяевами-недоносками.
На соседней Горьковской улице,
Фу ты, опять обмишулился,
Теперь Тверской,
Смотрю с тоской:
Где прежде было кафе доступное,
Ресторан с ценами преступными.
"Во сколько обойдется обед
Из супа и котлет?" —
Спросил я повара,
Упитанного борова.
"В двести долларов".
Ух ты, вся моя пенсия!
Вот такая суспензия...
От рыночных цен сутулясь,
Пошел вверх по улице.
И снова гложет тоска:
Как жизнь разнится,

Дорогая моя столица,
Золотая моя Москва!
Да, золотая, дорогая,
А вы думали какая?
Зашел в ГУМ.
Где прежний бум,
От покупателей не протолкнись —
Покупай, не жмись?!
Пусто. Скучают продавцы,
Как прогоревшие купцы,
Хотя товаров в избытке,
Да покупатели не прытки,
А проще сказать — в трансе:
Финансы поют романсы!

Иду дальше,
Очень уставши.
У прежнего туалета
Еще одна примета:
Вроде как для смеху
Памятник Чехову.
Куда ни пойду, туалеты
Заняли кафе и кордебалеты.
Дорожка оказалась узка
В гостиницу "Москва":
Приказали ей долго жить.
И гостиница "Россия"
Определена некрасивой,
Где можно было не тужить,
В трешку день уложить.
Прощайся с дурницей:
Теперь в столице
Не в почете голодранец,
У "России" другой танец:
Старую снесут,
Классную возведут

Для иностранных туристов
Номер долларов за триста.
В волжском городке красителей
Тканей обольстительных
Обанкротили завод.
Люди съели весь скот,
Кошек и собак.
Вот так!
Мэр загорелся помочь красителям,
Построил храм Христа спасителя
На месте плавательного бассейна
С высшего благословения...
Колокольный звон
Заглушил голодный стон.

По чьей-то инструкции
Закрыли завод
Редкой продукции
Единственный в России.
Коллектив не спросили,
Всех рабочих
И людей прочих —
От ворот поворот,
И никаких забот!
Сломали заборы,
Уволили сторожей.
Здание в несколько этажей
Заселяют конторы.
Привели под эти своды
Книжные коды
Галю Мамонтову⁶ и меня
В конце рабочего дня.
Стали мы свидетелями,
Как рыночные радители

⁶ Главный редактор издательства "Феникс плюс" Союза писателей России.

Еще один завод
Слопали, как бутерброд.
А как же продукция?
Выручить коррупция:
По обоюдному сговору
Поставят за доллары,
Конечно, втридорога
Западную конструкцию.

Простому народу столица
Только снится.
Если кто и решится
Посетить столицу —
На собор перекреститься,
Богу помолиться
Да святой воды напиться —
На большее не рассчитывай:
Рыночники рачительные
С улыбкой расточительной
И назойливостью липкой
Обдерут, как липку.
Богатеет Москва,
А у меня тоска:
Не город, а базар,
Я бы сказал.
Каким товаром
Может похвалиться
Наша столица?
"Москвичом" старым
Рядом с тульским самоваром
В скромной коллекции
Какой-нибудь музейной секции.
Деловой мэр Лужков
Собрал надежных дружков,
Строителей, пчеловодов
На блага столичного народа

Разного племени и рода.
И строит много, и медом потчует,
И голову морочит
Нововведениями
Столетнего забвения.
И спорит с Кремлем,
Печется о здоровье нации,
О капитализме с человеческим лицом,
А попросту боится экспроприации
Семейного капитала.
Легче народу не стало:
Как по усам текло,
А в рот не попадало,
Так не видать ему капитала.

ИСККУСТВО

Это нельзя забывать —
Классика нарасхват.
Не успевал Госиздат

Выполнять задания
На подписные издания,
И не крохотными тиражами,
А миллионными томами.
Библиотека в каждой квартире.
Но самая читающая в мире,
Самая талантливая нация
Подверглась пертурбации.
Инженеры человеческих душ
Попали под холодный душ.
Казалось бы, закаляться,
А на самом деле прощаться
С массовым читателем
И многотиражным издателем.
Нищета впилась сходу
В тело народа.
Ажиотаж на книги стих,
Стало не до них.
Тут хотя бы не защелкать зубами,
Свести концы с концами.
Упали тиражи,
Авторам — гроши.
Настоящую литературу
Сменила макулатура.
Так было предано забвению
Читающее поколение.

Не везло Пушкину на женские ножки,
Всего две пары нашел стройных,
Поэмы иронической достойных.
Поглазел бы он нынче хотя бы немножко
Из своего тригорского окошка.
Какой бы ни был персоной строгой,
Ни одной не увидел бы кривоногой.
Что ни девушка — малинка,
Что ни дамочка — картинка.

Все одеты по новой моде,
Адамовой в своем роде:
Пупки и ягодички наружу,
Да и груди на виду не хуже.
Прет во всю Ивановскую секс,
Как в моем огороде турнепс.
За книги о путанном времени
Дают нобелевские премии.
Однополые браки
Тоже не во мраке.
Не жалеют денег издатели
И на книги о Сталине- карателе,
О самооплевывании прошлого
И на всякое другое тошное.

Броская реклама,
Миллионные тиражи
Не вмещают стеллажи.
Какая-то английская дама
Не то писатель, не то брокер,
Не то игрок в покер
Строчит о Гарри Поттере
Несусветную чушь
Для приманки душ

Несмысленной ребятни.
Куда пальцем не ткни —
Ничего для воспитания,
Одна тарабания.
Все низменное в человеческой натуре
Предстает в литературной халтуре,
На экранах телевизоров, в кино
И на панелях заодно.
Отодвинут классик мировой
Лев Толстой.
И Шолохова — в кювет.
Искусство превратилось в эффект:
Поразить воображение
Невероятным положением —
Сценой сексуальной
В роскошной спальне,
Да и прямо на улице,
Не боясь обмишкулиться,
Ограблением банка,
Приведением Дракулова замка,
Какими-то космическими войнами
И другими пойлами.

Все эти буги-вуги, все эти клипы,
Эти назойливые типы,
Скачущие по эстраде
В невероятном наряде
И в экстазном волнении,
По ходу исполнения,
Сбрасывающие с себя одежды
Поразить зрителей в надежде.

Давно умер
Эстрадный юмор.
Никакой морали,
Одни трали-вали.
Накрашены, напомажены,
Мужики в баб ряжены,
Как по пьянке
На свадебной гулянке.
И эта чепуха
Вызывает: "Ха-ха-ха!".
Неужели так стойко
Оглупила людей перестройка?

Марк Захаров, режиссер Ленкома,
Писали "Известия", знакомо,
Уверенно и веско
Поставил Достоевского.
Всё там было: кордебалет,
Настоящий пожар и тот свет.
Действительно, веско,
Но не было Достоевского.
Как лес в ураган,
Ленком свалился в балаган,
Потрафляя вкусам
Зрителям безусым.
Отступив от беллетристики,
Подвизаясь в журналистике,

Марк Захаров разразился статьей:
"Могут ли рабы выбирать?"
Мол, советский строй
Породил болванов рать.
Какое им еще искусство?!
Читать об этом грустно...
А разве не глупо и тупо:
Море крови, горы трупов
В каждом сериале
О русском криминале?

Песенные шедевры
Сотрясают нервы.
"Поцелуй меня везде,
Я ведь взрослая уже".
"Я вижу: хочешь, хочешь,
Но молчишь".
Говоря короче:
Такое же прочее, прочее...
И как звучало бы нелепо,
Если бы сейчас было спето:
"Буря, ветер, ураганы —
Нам не страшен океан:
Молодые капитаны
Поведут наш караван.
Мы не раз отважно дрались,
Принимая вызов твой
И с победой возвращались
К нашей гавани домой".
"Мы рождены, чтоб сказку сделать былью,
Преодолеть пространство и простор.
Нам разум дал стальные руки-крылья,
А вместо сердца — пламенный мотор".

Но вовсе не пусто
Наше искусство.

Если взглянуть пристальней,
Явится истина:
Кино, телевидение, эстрада —
Лучшего не надо
Рассадника криминала,
Проституции, бандитизма,
Чистоплюйства, эгоизма,
Что прут на нас валом
По всем каналам.
Вопрос, не бравада:
Кому это надо?

Из общества исчезла,
Потеряв цвет лица,
Обнищала, облезла,
Как куршивая овца,
Русская интеллигенция.
Вот такая квинтэссенция!
Западникам-графоманам —
Премии, почеты.
На халтурные романы —
Солидные квоты.
Вот такие мы патриоты!

По судьбе иронии
Таланты в агонии
С узким творческим оконцем
И пустым карманом,
Уступив под солнцем
Место графоманам.
Петр Проскурин, больной друг,
Преодолев недуг,
Сказал грустно,
Но уверенно:
"Время для искусства
Безвозвратно потеряно".

ЧТО С ТОБОЙ, РОДИНА-МАТЬ?

На сцену выходят девицы
Одна другой красивей.
В зале довольные лица
Американских гостей.
— Триста баксов за блондинку,
Забавную картинку!
— Двести за брюнетку,
Зажигательную кокетку!..
И пошли торги
В предвкушении любовной оргии.
Что за купцы, девушки не знают,
Их, как скот, янки покупают.
А сколько от голода и разрухи
В поисках хлеба краюхи
Разбрелось по всему свету —
Нет ответа!
Не один рабовладелец-мерзавец
Истязает в притонах русских красавиц.

Не страна, а базар:
Люди, как товар,
Продаются и покупаются
От взрослых до малышей,
Если это касается
Хороших барышей.
И нет никакой защиты.
Простому человеку
Ни в милиции, ни в прокуратуре.
Расплодилось паразиты,
Моральные калеки
С цепкой хваткой,
Где бы подхалтурить
На крупных взятках.

Напротив окон скамейка.
Часто слышал: "Налей-ка!"
Мужики-кутилы
Неуклонно теряли силы,
Пока жизнь не улетела.
Скамейка опустела...
До нового преображения —
Девичьего вторжения
И того же брожения
До заморозения.
Пропойцы вряд ли,
Одеты не в шмотки,
В приличном наряде
Юные красотки.
Осоловелые глаза,
На щеке слеза,
Безысходность во взгляде.
"А где ваши дяди?" —
Спросил я некстати.
Послали к чертовой матери.

А разве для России не позорно —
Миллионы беспризорных
По вокзалам, по подвалам
Пополняют ряды криминала?
Что же ты, родина-мать,
Детей своих рать
Не уберегла от беды,
Бросила на произвол судьбы?
Счастье, любовь обещала,
Но злою мачехой стала.
Обидно до слез:
СПИД, гепатит, туберкулез,
Наваждение или порок,
Висят над нами, как рок.
Кто ответит, друзья,

Случайно или не зря
Лекарств и продуктов поток
Пущен на самотек?
Повсюду решетки, железные двери,
Стали мы не то люди, не то звери.
Не стремимся друг к другу —
Заболели каким-то недугом:
Боязнью, подозрениями,
Чуждыми прежде воззрениями.
И результаты налицо —
Деградируем в подлецов!
Друзья, вы бы себя спросили,
Когда такое было в России?
Корчится, стонет страна,
Хочет, глядя на всё, сатана.
Советские люди
Следовали слепо
Ленинским заветам.
Довольно нелепо
Под эту прелюдию
Обольстили их светом
В конце тоннеля,
Не канителя!
Народ клюнул, поверил,
Не зная, какого зверя
Впустил в свой дом,
Какой он устроит садом.
"К прошлому возврата нет!" —
Твердит демократов квартет.
Ясно, почему "нет".
Надо держать ответ,
Причинив столько бед,
Набив на счета до отвала
Черного капитала.
А где капитал, там паразитизм,
Криминал, бандитизм,

Как рыбы-прилипалы
У акул удалых.
И это навсегда, навеки,
Дорогие мои человеки,
Какие б не пели дифирамбы,
Какие б не слагали ямбы,
Какую б не прочили славу
Черному капиталу!

Пепко Мамина-Сибиряка
Валял дурака,
Рассуждая о законах
Без всяких препонов
Для римлян-рабовладельцев,
В юриспруденции умельцев,
Для феодалов
С воинственным запалом,
Для капиталистов,
Обласкавших юристов.
Так что, закон вовсе не дышло —
Куда ткни, туда и вышло.
А вот для народа
Всё неблагоприятная погода.

Долларовые акробаты
Не считают затраты
На обустройство своей хаты.
С глазами устало-сонными
Сорят миллионами
Дуракам в унисон
На треугольники и квадраты
Бездарного Пикассо,
По обстоятельствам печальным
Ставшим гениальным.
Но не потратят и копейки на народ,
Вымирающий из года в год.

По заключению ЮНЕСКО
В СССР веско
Продолжительность жизни
Обогнала многих в Европе.
Но при капитализме,
Как во всемирном потоке,
Сократилась резко,
Став на убогое место
В юнесковском реестре.

Какие бы не делали поблажки
Ивану и Машке,
Какие бы надежды не возлагали
На моления монашки
О возрождении морали, —
Народный дух
Не поднимешь вдруг!
Чем воодушевит народ,
На какой подвиг позовет
Говорливая братия,
Назвавшая себя демократией?
Кроме премий и медалей,
За душой у неё никаких моралей!

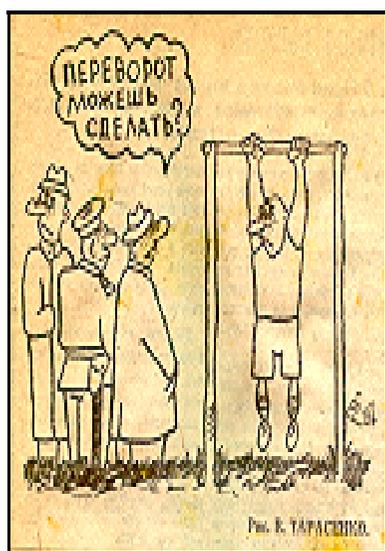
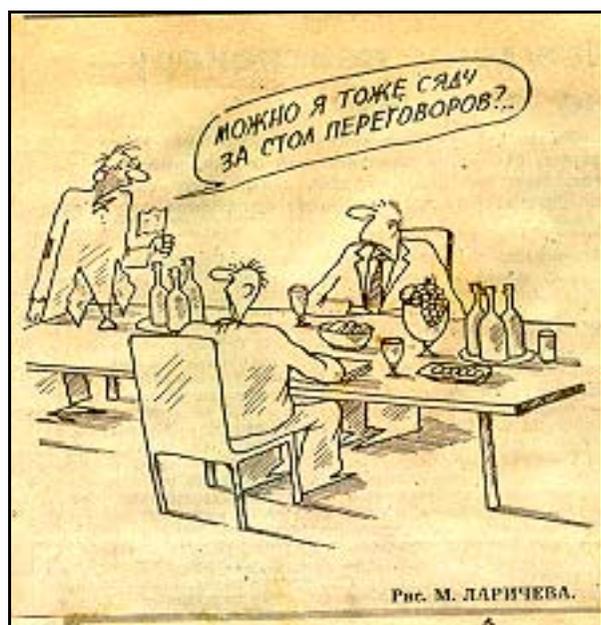
С кем только мне не пришлось
В эти дни общаться,
И одного не нашлось,
Кто бы не стал возмущаться:
"Унижение! Позор!",
Когда заходил разговор
О нашей жизни
В пост социализме.
Все были едины в одном —
Лазаря поем, а не живем!

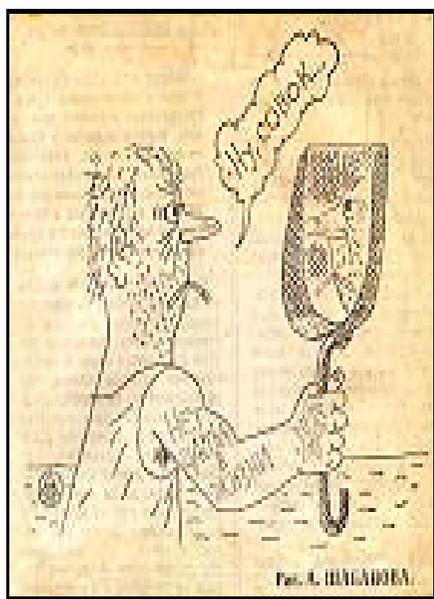
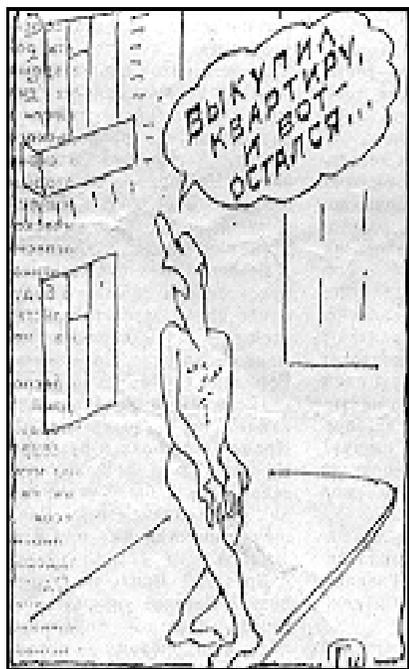
**Хоть на йоту я соврал,
Поднимайте аврал.
Если нечего возразить,
Хватит ёрничать и бузить,
Пора нажать на тормоза
И взглянуть правде в глаза!**

***А, может, не стоит куражиться,
И так всё уляжется,
Как вам кажется?***

Забавные картинки из нашей жизни

ЧЕМОДАН

Рассказ

До прибытия поезда оставалось еще пять часов. Сергей Крутков, делавший пересадку на этот поезд, бесцельно прошелся по вокзальной площади. Город был незнакомый, правда, жил в нем давний друг, такой давний, что Крутков помнил одно его имя, ни фамилии, ни адреса не знал. Да и жил ли друг до сих пор в городе, тоже было неизвестно.

День был знойный. Припекало сквозь пиджак. Крутков ослабил галстук, расстегнул ворот рубашки, откинул пиджак за спину и помахивал лапами, но это все равно не спасло. Ноги сами собой потащили в город по прямой и пустой привокзальной улице с особняками и высокими заборами, с надписями на воротах: "Во дворе злая собака". Хозяева спасались от жары в садах. Сквозь деревья кое-где проглядывали гамаки и вынесенные из домов кровати. Крутков с интересом человека, попавшего в неизвестное место, заглядывал в чужие дворы, куда на лето как бы перешла из домов жизнь со всем своим бытовым укладом.

Проходя мимо особняка с фасадом на улицу, он увидел распахнутое настежь окно, почти голую комнату, прикрытый прозрачной пленкой фотоувеличитель на столе, кое-как заправленную койку и в простенке черный чемодан. Чемодан был так близко от окна, что его можно было достать, не влезая в комнату, а просто перегнувшись через подоконник.

Крутков, сам не зная почему, пройдя немного, вернулся к окну. Комната была вся на виду и пуста, то ли после ремонта, то ли хозяева перебрались во двор. "Какой-то беспечный чудак", — подумал Крутков о хозяине и хотел прикрыть створки, но тут же сообразил, что его хорошее намерение могут дурно истолковать. Он снова прошел мимо окна в сильном волнении, будто его кто-то толкал к чемодану, а он упирался. Представились постыдные последствия кражи, крик за спиной: "Вор!", арест, суд, и Крутков похолодел.

Это ощущение он уже однажды пережил в отрочестве, когда втянулся в шайку мелких жуликов и совершил кражу на вокзале. Какой-то пассажир, вроде беспечного хозяина особняка, оставил свой "сидор", туго набитый вещами, на перроне, а сам ушел в билетный зал. На пути пыхтел под парами товарняк, светофор был открыт, и "пахан", главарь шайки, ткнул Сережу в бок:

— Хватай сидор и в тамбур!

Какая-то минута до отправления товарняка запомнилась на всю жизнь. Казалось, что товарняк прирос к рельсам, и Крутков готов был сам толкать его. А когда тронулся, набирая скорость, казалось, гусеница ползет быстрее... Все сошло благополучно, но Крутков попал-таки в трудовую колонию за бродяжничество, год отбыл и, выйдя на свободу, положил крест на воровские дела. С годами прошлое забывалось и напоминало о себе лишь тогда, когда приходилось заполнять листок по учету кадров. Над графой "судим" Крутков на минуту задумывался, но ставил твердое "нет", уверенный, что за давностью никто не дознается о его судимости.

Все же в нем, наверное, скрытно жило воровское прошлое, как плохо залеченная болезнь. Он перегнулся через подоконник, едва не ввалился в комнату, вытягиваясь к чемодану, ухватился за ручку и никак не мог оторвать чемодан от пола, но не потому, что он был тяжелый, а потому, что от долгого стояния прилип к свежеекрашенному полу.

Уходя от окна, Крутков ждал окрика и боялся оглянуться, боялся ускорить шаг, чтобы не привлечь к себе внимания. Он свернул за угол, еще за угол и попал на улицу с магазинами и прохожими, а на главной совсем было многолюдно, и Крутков только теперь почувствовал себя в безопасности. Он был и рад удаче, и его разбирало любопытство: что же было в чемодане, стоило ли так рисковать? И в то же время казался самому себе противным, пакостным человеком, как если бы, бросив пить, воздерживаясь много лет, считая себя уже здоровым, порядочным человеком, вдруг нализался как зюзя!

"Слюняй, мокрица, тварь. Смалодушничал, польстился на чемодан с каким-нибудь заношенным барахлом! Попадись теперь, закатят не в трудовую колонию, а лет на пять в тюрьму! Вспомнят и прошлое!" — ругал он себя и уже готов был незаметно где-нибудь оставить чемодан, стряхнуть с рук грязь, но подходящего места не находилось, везде былолюдно, и Крутков зашел в кафе, зачем, собственно и направлялся в город.

Садясь за столик, он как бы чутьем, не видя человека, поймал на себе его взгляд, поспешно подsunул ногой чемодан под столик и робко огляделся. Из глубины зала на него пристально смотрел светло-русый мужчина с очень знакомым лицом, но страх был настолько велик, что память отшибло. И когда Крутков все-таки узнал давнего друга, когда тот подсел к нему, страшно обрадованный, он все равно долго не мог вспомнить его имени.

Друг уставился на чемодан.

— Проездом?

Крутков кивнул головой.

— Смотрю я, забыл меня... Ну, Толя Одинцов. Вспомнил? А я никогда не забуду Сергея Круткова. Это же ты познакомил меня на выпускном вечере с белокурой Леночкой. Поженились, уже лялька... Я перед тобой в большом долгу, Крутков. Официант!.. Да что я! Пойдем ко мне домой, угощу по-царски! Ко мне, ко мне! — спохватился друг, поднятый волной приятных воспоминаний. Одной рукой он подхватил чемодан, а другой Круткова, который, правда, помнил выпускной вечер, но совершенно не помнил ни Леночку, ни своего участия в знакомстве её с Одинцовым. Но, видно, для друга тот вечер был главным событием в жизни, в котором немаловажную роль сыграл Крутков. Он вышел из кафе, словно выбрался из кромешной тьмы на свет Божий.

Тотчас было найдено такси. Одинцов положил чемодан под заднее смотровое стекло машины и усадил Круткова рядом с собой. Друг выглядел добропорядочным горожанином, все интересы которого вертятся вокруг семьи и дома, и Крутков уже представлял обильный стол, хлебосольные речи, хождения по комнатам, где ему будут показывать то чехословацкий спальный гарнитур, то какую-нибудь кухонную диковинку, а потом поведут в сад и оделят на дорогу корзиной яблок или слив. Слушая друга, Крутков слабо улыбался, а когда машина выехала на привокзальную площадь, он сразу же узнал особняк с распахнутым настезь окном и почему-то подумал, что Одинцов живет в этом доме и спит в комнате, из которой он унес чемодан. И точно: машина остановилась возле особняка, Одинцов вышел на тротуар, но Крутков остался на месте.

— Вот тут я и обитаю, — сказал Одинцов не без гордости за свое основательное жилье и с некоторым непониманием глядя на приросшего к сиденью друга. — Сейчас один, семья на Черном море. Но мы найдем кое-что интересное и без хозяйки, — подмигнул он. — Что же ты сидишь?

— Да поезд... как бы не опоздать. Пожалуй, я поеду на вокзал.

— Какой вокзал! Ты же говорил — три часа в запасе, а до вокзала от меня — рукой подать! Вылезь!

Крутков понял, что отказываться глупо, с неохотой вылез из машины, но чемодан не взял, надеясь, что, может быть, шофер увезет его, а Одинцов не заметит. Но Одинцов полез в машину, вытащил чемодан, и они вошли в дом и знакомую комнату с распахнутым окном.

— Небольшой летний ремонт, — пояснил, как бы оправдываясь, хозяин, поставил чемодан у порога, снова подмигнул Круткову: "Я сейчас." — И исчез.

Крутков почувствовал себя так, будто попал в камеру предварительного заключения. Он кинул взгляд в сторону окна, откуда взял чемодан, — свежий, не зашарканный ногами след на половице, — быстро взял чемодан и водворил на место.

Одинцов вернулся с двумя бутылками вина и закусками в тарелках, поставленных одна на другую и прижатых к груди, выложил на стол, отодвинул подальше фотоувеличитель.

— Холостяк! — развел он руками, не столько огорчаясь, сколько радуясь такому обстоятельству. — Я тебе сейчас покажу фото, целая серия. Сам делал. Создаю Лялькину биографию в снимках. Подвинься немного...

Он потянулся за кровать, взял и раскрыл на коленях чемодан, полный черных бумажных пачек, пухлых от фотографий. Больше в чемодане ничего не было...

Между тостами за встречу, за дружбу Одинцов показывал снимки дочери и жены, но Крутков мало что видел и понимал, сидел, как на суде, и стрелки на стенных часах, казалось, прилипли к циферблату.

— Ну понял что-нибудь? — спросил Одинцов.

— Что?

— Вино собственного приготовления.

— А-а, вино хорошее... Я, пожалуй, пойду, Толя. Пора.

— Ах, Крутков, Крутков, скотина ты! Пропал, как в воду канул, — уже по-братски обнял старого друга захмелевший хозяин. — Так просто ты от меня не отделаешься. Подожди!

Одинцов вышел не совсем твердой походкой и вернулся с плетухой, полной яблок.

— Это тебе на дорогу!

— Зачем? Оставь! Некуда класть, — запротестовал Крутков.

— Бери, бери! Как некуда? В чемодан.

Но Крутков выхватил из его рук плетуху и поставил на пол.

— Обижусь! — запротестовал Одинцов, взял чемодан, сел с ним на кровать и решительно заявил:— Не пущу!

— Ну, хорошо, — уступил гость. — Я беру твои яблоки. Дай сюда чемодан.

— Вот это другой разговор!

Одинцов пошел еще за вином — выпить *на посошок*, а Крутков стоял посреди комнаты, не зная, что делать с чемоданом, высыпал в него яблоки, понес было к кровати, но передумал и поставил у порога.

— Опаздываю! Опаздываю! Ни грамма больше! — замахал он руками на Одинцова, появившегося в дверях с вином. — Спасибо. До свидания. Я пошел.

— Как пошел! Я тебя провожу.

— Не надо. Опаздываю, Я бегом...

— Провожу! Как это так? Провожу по-человечески. До поезда. Дай сюда чемодан!

Крутков подосадовал, что поставил его у порога. Может быть, друг позабыл бы о нем, будь он за кроватью.

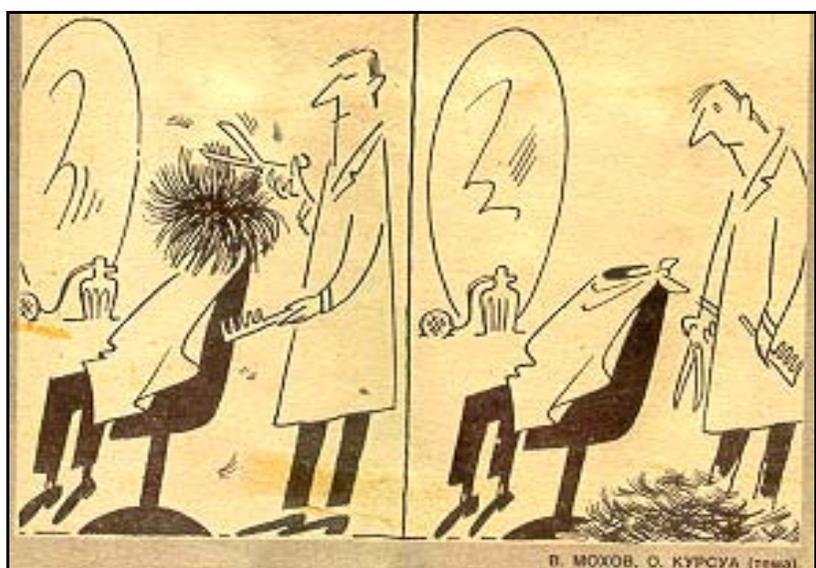
— А чемоданы у нас с тобой одинаковые, — удивился Одинцов, видимо, только сейчас заметив это сходство, повертел чемодан так и этак, но Крутков уже был за порогом, и Одинцов поспешил следом. Они едва успели к отходу поезда, пассажиры давно были в вагонах, на перроне толпились одни провожающие. Крутков с ходу вскочил на подножку, и в тамбуре потеснились, давая место. Поезд тронулся.

— А чемодан? Чемодан! — кричал Одинцов, протискиваясь сквозь толпу к вагону.

Круткова обожгла догадка: не разыгрывает ли друг комедию, давно поняв, что к чему? Он перекинулся, будто раскусил кислое яблоко.

— Черт с ним, с чемоданом! — И отмахнулся, как от какого-то наваждения.

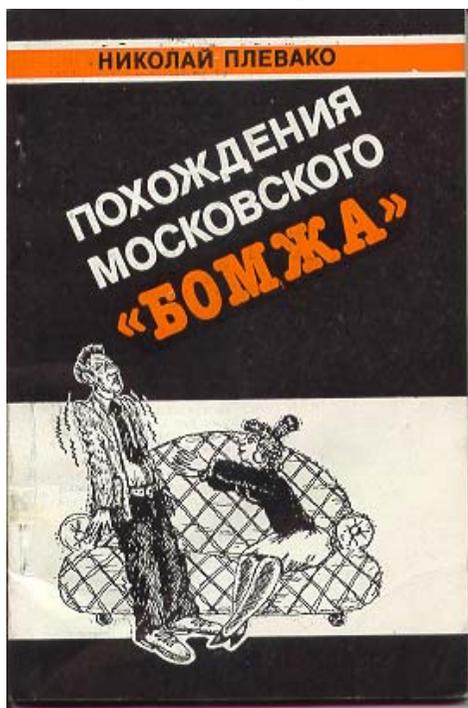
РЕКЛАМА

ООО "ФЕНИКС ПЛЮС" СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

Книжный рынок переполнен литературой сомнительных достоинств. Мы предлагаем читателям вернуться к настоящей русской литературе. Новая необычная повесть Николая Плевако "Похождения московского бомжа" вполне отвечает этим требованиям.

Заявки на оптовые поставки и пересылку наложенным платежом принимаются по адресу: 141730, гор. Лобня-2, Московской обл., а/я 27. Тел. (095) 577-34-30.

Розничная цена — 30 руб., оптовая — 10 руб. (Не менее 300 экз.).

**ЕСЛИ ВАС ЕЩЕ НЕ ОСТАВИ-
ЛО ЧУВСТВО ЮМОРА — ЧИТАЙ-
ТЕ "ПОХОЖДЕНИЯ МОСКОВСКО-
ГО БОМЖА"**

Памяти друга

ЛЕОНИД АНИСИМОВ, КОТОРОГО ВЫ ВИДИТЕ НА ФОТОГРАФИИ, — ДРУГ МОЕЙ РОСТОВСКОЙ МОЛОДОСТИ. В ТО ВРЕМЯ ОН ПРЕПОДАВАЛ В УНИ-ВЕРСИТЕТЕ И КОЕ-КОГДА ПЕЧАТАЛ РЕЦЕНЗИИ НА КНИГИ МЕСТНЫХ АВТОРОВ, А Я РАБОТАЛ НА ТЕЛЕВИДЕНИИ И ПИСАЛ САТИРИЧЕСКИЕ СЦЕНКИ, КОТОРЫЕ РАЗЫГРЫВАЛИСЬ АКТЕРАМИ ДРАМАТИЧЕСКОГО ТЕАТРА В МОИХ ПЕРЕДАЧАХ.

ВСКОРЕ Я УЕХАЛ В МОСКВУ. СВЯЗЬ С РОСТОВСКИМИ ДРУЗЬЯМИ НЕ ПРЕРЫВАЛ. НА МОЙ ПЕРВЫЙ РОМАН ЛЕОНИД АНИСИМОВ ОПУБЛИКОВАЛ В ЖУРНАЛЕ "ДОН" РЕЦЕНЗИЮ, И Я СЧИТАЛ ЕГО КРИТИКО-ЛЮБИТЕЛЕМ. НО ВОТ В ПОСЛЕДНЮЮ НАШУ ВСТРЕЧУ ОН ПОДАРИЛ МНЕ КНИЖКУ СВОИХ СТИХОВ В ХОРОШЕМ ПЕРЕПЛЕТЕ, НАПЕЧАТАННУЮ ИМ САМИМ НА ПИШУЩЕЙ МАШИНКЕ, МОЖЕТ БЫТЬ, ВСЕГО-ТО ЭКЗЕМПЛЯРОВ ДЕСЯТЬ. К ПОДАРКУ Я ОТНЕССЯ РАВНОДУШНО, КНИЖКА НЕ ОДИН ГОД ПРОЛЕЖАЛА НА ПОЛКЕ. И КАК ЖЕ Я БЫЛ УДИВЛЕН, ПРОЧТЯ ЕЁ — КАКИЕ ПРЕКРАСНЫЕ СТИХИ! ПОЧЕМУ ПРЕЖДЕ ЛЕНЯ НИКОГДА НЕ УПОМИНАЛ О СВОЕМ ПОЭТИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ? РУГАЛ И КЛЯЛ Я СЕБЯ, ЧТО НЕ НАПИСАЛ ЕМУ ПИСЬМА, НЕ ПОХВАЛИЛ СТИХИ! ПРЕДЛАГАЮ ОДНО ИЗ НИХ.

О ПРАВДЕ

Кто говорит, что правды нет, тот лжет!
Ей не страшны ни тернии, ни плаха.
Она порою больно сердце жжет
и вырывается из закоулков страха.
Что ей условности, мудреные замки
и мрачные подвалы предрассудков?
Всегда её порывы высоки,
всегда разумен смысл её поступков.
Одни её, как откровенья, ждут,
другие, как возмездия, страшатся...
Ты слышишь, ПРАВДА, клич? Тебя зовут!
Довольно в темных закутках скрываться!
Ответь на все "зачем" и "почему",
неси быстрее людям озаренье!
Ты вправе разогнать ночную тьму
и миру подарить светорожденье!